Матвей Григорьевич Писманик:
к 80-летию со дня рождения
(интервью с профессором)

14 июня 2010 г. исполнилось 80 лет профессору Пермского государственного университета культуры, доктору философских наук Матвею Григорьевичу Писманику. Коллектив кафедры государственно-конфессиональных отношений и редколлегия журнала «Государство, религия, Церковь в России и за рубежом» сердечно желают Матвею Григорьевичу крепкого здоровья, семейного благополучия, долгих лет жизни, как и прежде, насыщенной творческими исканиями и достижениями и активной научно-общественной деятельностью.

М.Г. Писманик известен научной общественности как ученый, который немало способствовал формированию отечественной школы религиоведения, развитию его методологии и подготовке молодых ученых-религиоведов. Диапазон его научной, педагогической и общественно-просветительской деятельности очень широк. Помимо собственно научных исследований, он преподает философию, этику и религиоведение в пермских вузах; под его научным руководством подготовлены и защищены 14 кандидатских и одна докторская диссертация.

Он является заместителем председателя Диссертационного совета по защите докторских диссертаций по философии при Пермском государственном университете**,** членом Российского сообщества преподавателей религиоведения. Его успешная педагогическая деятельность отмечена присвоением ему звания «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». М.Г. Писманик является признанным авторитетом в гуманитарном научном сообществе. Его перу принадлежит около 190 научных публикаций, в том числе пять монографий, семь учебников и учебных пособий по религиоведению, среди которых назовем лишь некоторые:

(*монографии и учебные пособия*)

Личность и религия. М.: Наука, 1975.

Isiksus ya religion. Tallin: Eesti raamot, 1979.

Индивидуальная религиозность и ее преодоление. М.: Мысль, 1984.

Диалог о вере. Пермь: Областное книжное издательство, 1989.

Социология о социальных процессах российского общества. Пермь: ПГТУ, 2007 (в соавторстве).

Религия в истории и культуре: федеральный учебн. для вузов. М.: Юнити, 2000 (отв. ред. и автор 20 статей).

Религиоведение: уч. пособ. для вузов. М.: Юнити, 2009.

(*статьи*)

К типологии религиозности и атеизма // Информационный бюллетень ИНА АОН при ЦК КПСС. 1968. № 2.

Методика социально-психологического исследования религиозности // Вопросы научного атеизма. Вып. 11. М.: Мысль, 1971.

Религиозная концепция «греховности» и нравственный прогресс // Атеизм: Религия: Нравственность. М.: Мысль, 1972.

Исследование нравственно-психологических особенностей личности верующих // Научный атеизм: Вопросы методологии и социологии. Пермь: Пединститут, 1975.

Типология религиозности и атеизма // Научный атеизм: Вопросы теории и практики. Пермь: Пединститут, 1976.

Социологические исследования при изучении этики // Этика и современность. М.: Знание, 1981.

Osobitocti svetonasoru veriaceho //Ateizmus (Bratislava). 1983. № 2.

Верующий глазами социолога // Наука и религия. 1987. № 6, 7, 10.

Религиозность сегодня и завтра // Религия, церковь в России и за рубежом: информационно-аналитический бюллетень. 1994. № 2.

Светская школа и религия // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 4.

Религиозная ситуация в Прикамье и ее перспективы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: информационно-аналитический бюллетень. 2000. № 3.

Мистика – традиции и современность // Ученые записки Гуманитарного факультета. Пермь: ПГТУ. 2000. № 3.

Tserkow – Sem□ja Detei Bozhiikh: an Indigenouos Russian Neoreligious Phenomenon // Religion State Society: The Keston Jornal (Oxford). 2002. № 3.

К феномену религиозного Ренессанса // Современное общество: вопросы теории, методологии и методов социальных исследований. Пермь: ПГТУ, 2002.

Религиозная тема в «Новой философской энциклопедии»: круглый стол // Вопросы философии. 2003. № 2.

Теология и религиоведение: необходимость диалога // Проблемы регионального религиоведения и актуальные вопросы преподавания религиоведения в высшей школе: Мат-лы IV Российской научной конференции (ГБИЛ). М, 2003.

Проблемы преподавания религиоведения // Религия в изменяющейся России: Мат-лы II Российской научной конференции. Т. 2. Пермь: ПГТУ, 2004.

Русло толерантности // Очаг толерантности. Пермь: Администрация г. Перми, 2004.

Культурное значение Библии // Библия и национальная культура. Пермь: ПГУ, 2004.

Новое в религиозных процессах России // Российское общество и социология в XXI веке: Социальные вызовы и альтернативы: доклады II Всероссийского социологического конгресса. Т. 2. М., 2004.

Возможен ли диалог? // Философско-методологические проблемы изучения религии: Мат-лы науч. конференции (ИФ РАН, РАГС). М.: Изд-во РАГС, 2004.

О религиозной ситуации в Прикамье // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты (Российское объединение исследователей религии). М., 2004.

Мистика и культура // Ученые записки гуманитарного факультета. Вып. 12. Пермь: ПГТУ, 2005.

Идея ненасилия и идея сотрудничества // Сборник научных докладов к Международному симпозиуму-диалогу «Идея ненасилия в XXI веке». Пермь: ПГТУ, 2006.

Религиоведческие размышления // Религиоведение. 2006. № 3.

Верующие Пермского края // Социология. 2006. № 3–4.

Религия в культуре // Временные координаты культуры. Пермь: ПГТУ, 2006.

Ганс Кюнг в Перми // Вопросы философии. 2007. № 2.

Характеристика религиозности в Прикамье // Социология. 2007. № 1.

Время харизмы // Личность в философствовании. Пермь: ПГТУ, 2007.

О перспективах отечественной социологии религии // III Всероссийский социологический конгресс: тезисы докладов. М., 2008.

Трудные аспекты в преподавании религиоведения // Религия в Российском пространстве: исторический, политический и социокультурный аспекты: Мат-лы I Всероссийской заочной конференции преподавателей религиоведения вузов, колледжей и школ (7–10 октября 2007 г). Иркутск, 2008.

Ненасилие: идея, идеал, принцип, утопия // Философия и этика: сб. научных трудов к 70-летию академика А.А. Гусейнова. М.: Альфа-М, 2009.

К пролегоменам и статусу этики ненасилия // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2009. № 7 (июль – декабрь).

Социальные перспективы отечественных религий // Будущее религии: из настоящего в грядущее: Мат-лы круглого стола (Нижегородское религиоведческое общество). Н.Новгород, 2008.

Приближение к ненасилию // Труды международного научного симпозиума-диалога «Духовность, достоинство и свобода человека в современной России: философско-этические, религиозные и культурологические аспекты». Ч. 2. Пермь: ПГИИК, 2009.

Религиоведение: его предмет и структура // Теоретические и прикладные исследования в религиоведении. Барнаул, 2009. Вып. 1–2.

По инициативе М.Г. Писманика в Перми, начиная с 2002 г., проведены пять общероссийских и международных научных конференций-диалогов светских ученых и теологов по проблемам духовного возрождения России. Большой вклад Матвей Григорьевич внес в становление и развитие отечественной социологии религии. Он является членом правления Российского объединения исследователей религии и

членом бюро Исследовательского комитета социологии религии Российского общества социологов, активным участником одноименной секции всех трех Всероссийских социологических конгрессов. За заслуги в этой отрасли науки ему присвоено звание «Почетный член Советской социологической ассоциации – Российского общества социологов».

Большую общественно значимую работу выполняет М.Г. Писманик в качестве председателя Экспертного совета Пермского края по экспертизе государственной регистрации религиозных объединений.

Ниже мы публикуем интервью, которое провел с юбиляром профессор Ремир Александрович Лопаткин.

Уважаемый Матвей Григорьевич, позвольте в связи с Вашим примечательным юбилеем задать Вам несколько вопросов.

Мы с Вами сотрудничаем и дружим уже около полувека, хорошо знаем друг друга и те жизненные и духовные перипетии, которые выпали на долю ученых-гуманитариев за эти десятилетия истории нашего Отечества. Но я думаю, что некоторые стороны и факты Вашего жизненного пути будут интересны и поучительны для читателей нашего журнала, ваших коллег-религиоведов, особенно молодых.

Наш первый вопрос: Как возник у Вас интерес к исследованию религии?

М.П.: Этот интерес у меня, питомца нерелигиозной семьи, возник почти случайно. Уже в первых классах школы нам объяснили, что религия – занятие невежественных бабушек, пережиток, никому больше не нужный и даже вредный. Я и не любопытствовал впредь до поступления на юридический факультет Пермского университета, где занятия по философии пробудили глубокий интерес к вопросам мировоззрения.

Эти занятия с юношеских лет утвердили меня на позициях материалистического миропонимания и рационального постижения явлений природы и общественной жизни. Обращения к Богу никогда не испытывал: ни при эвакуации под фашистскими бомбами из родного Витебска, ни при утратах особо дорогих и близких мне людей, ни при других тяжких жизненных испытаниях. Материалистическое миропонимание придает мне ощущение уверенности и необходимого равновесия при частых столкновениях с непонятным, «аномальным», таинственным и удерживает от склонения к мистике и провиденциализму. Этим не кичусь и не настаиваю на том, что обладаю окончательной истиной: длительные занятия наукой умаляют амбицию и расширяют поле неясного. Исследования религии привели меня к убеждению, что просвещенный верующий в своем миропонимании вполне обладает таким же или даже более устойчивым душевным равновесием. Это убеждение пришло далеко не сразу.

Шел 1950 год, когда комитет комсомола включил меня, второкурсника, в лекторскую группу при университете и обязал подготовить лекцию для населения о религиозных обрядах. Готовясь к лекции, в первый раз в жизни посетил единственную тогда в городе церковь, где на воскресное богослужение пришло несколько мужчин и около сотни женщин среднего и пожилого возраста. Некоторые из них – с детьми. Было очевидно: в большинстве своем в храме представлены матери, вдовы, жены и малолетние сироты солдат, убитых, покалеченных или безвестно пропавших в недавней войне. Молились все истово и даже страстно, многие взрослые и дети плакали. По окончанию богослужения заметная часть молящихся выходила со спокойным и словно бы умиленным настроением. Две передо мной уходивших старушки обменивались впечатлениями, и я вдруг услышал: «Как же это мы сегодня хорошо поплакали»…

Сквозь начальное и наивное любопытство к богослужению меня вдруг больно пронзила острое сострадание. Впервые я задумался над тайной мне неведомой религии и загадочностью столь явной ее моральной поддержки людям, пребывающим в несчастье. Пожалуй, тогда и зародился нарастающий интерес к религии и морали. Именно с того момента я стал много размышлять и читать по этим темам.

– Матвей Григорьевич, Вы отметили, что первым побуждением Вашего внимания к проблемам религии было любопытство, интерес к новому для Вас явлению окружающей жизни. А как это любопытство перерастало в профессиональное занятие религиоведением?

М.П.: Проблемы религии и морали, их взаимосвязи занимали меня ещё со студенческих лет, будучи главными и в моей просветительской деятельности. Со временем пришла мечта о философской аспирантуре, и эти проблемы стали ведущими в последующих моих научных исследованиях.

– Сколько помнится, Вы всегда были активным лектором Общества «Знание»?

М.П.: Первоначально оно именовалось «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний», а в 50-х гг. было преобразовано во Всесоюзное общество «Знание». Оно вело большую работу по просвещению населения страны. Я вступил в это общество еще во время учебы и университете.

По окончанию университета я стал работать юрисконсультом, а по совместительству начал вести в пермских вузах занятия по философии, научному атеизму и этике. В свободное от основной работы время я объехал почти все Прикамье с лекциями на атеистические и нравственные темы. Часто выезжал и в другие регионы огромной страны. В работе Общества «Знание» принимаю участие по настоящее время. За минувшие годы прочитал для населения, наверное, не менее тысячи лекций.

На мой взгляд, в современной России, так остро испытывающей духовный кризис, надобность в просветительской деятельности не только осталась, но и резко возросла.

– В том числе, и надобность в системе атеистического воспитания?

М.П.: Нет, конечно. Антирелигиозная компонента, по моему глубокому убеждению, совершенно чужда современным задачам просветительской деятельности по распространению научных знаний и достояния культуры. «Система атеистического воспитания» была разработана Коммунистической партией в начале шестидесятых годов, и почти три десятилетия, при непосредственной поддержке государства, принудительно и настойчиво внедрялась в повседневное бытие «общества развитого социализма». Она не могла не скомпрометировать себя, поскольку придерживалась навязанного стране еще с первых лет советской власти стратегического курса на «преодоление религии», курса, грубо попирающего демократический принцип свободы совести. К тому же названная «система» опиралась на вульгарные антирелигиозные установки и была подчинена авантюрным, компрометировавшим высокие социально привлекательные идеалы социализма целям.

В частичную замену прежде широко практикуемых властями преследований верующих и жестоких репрессий против духовенства «система» была ориентирована преимущественно на идейные средства борьбы с «религиозными предрассудками». Для навязывания атеистического мировоззрения всем гражданам использовались каналы массовой информации, учреждения образования и культуры. По замыслу авторов этой «системы», в частности, во всех вузах было введено преподавание курса «Основы научного атеизма». К «системе» было подключено Общество «Знание» и другие просветительские объединения.

Хотя я никогда не относил себя к числу «воинствующих безбожников» и с неизменным уважением относился как к служителям Церкви, так и к рядовым верующим, однако, как и многие другие интеллигенты моего поколения, будучи преподавателем вуза и активистом Общества «Знание», все же соучаствовал в этой «системе». Период «перестройки» для многих из нас стал временем объективно и субъективно необходимого, хотя и мучительного, переосмысления целого ряда мировоззренческих предубеждений и других навязанных общественному сознанию политизированных и идеологизированных установок тоталитарного строя. Однако ощущение вины за соучастие в «системе» и поныне не оставляет меня. Оно понуждает к строжайшему соблюдению такта в общении с верующими согражданами. Понуждает и к особенно вдумчивому подходу к проблемам религиоведения. В отличие от идеологизированного «научного атеизма» занятия религиоведением особенно властно

требуют полной свободы от мировоззренческой и идеологической, как, впрочем, и конфессиональной, ангажированности, от какой-либо предвзятости.

– Как проходило Ваше вхождение в религиоведение?

М.П.: По окончанию университета несколько раз подавал заявление для поступления в философскую аспирантуру. Хотя ко второй половине 50-х гг. я стал автором ряда статей и нескольких брошюр по темам религии и морали, под разными «благовидными» предлогами к вступительным экзаменам меня не допускали. И лишь в 1961 г., когда только что организованному в Перми Политехническому институту Министерство выделило целевое место в аспирантуре МГУ им. М.В. Ломоносова, институт (где я преподавал по совместительству) направил меня аспирантом на кафедру истории и теории атеизма.

Имея серьезные наработки по проблемам религиозной морали, я просил утвердить их темой кандидатской диссертации. Но на заседании кафедры ее заведующий профессор И.Д. Панцхава настоял на теме «Религия и женщина». По сей день ощущаю глубокую благодарность своему первому научному руководителю, недавно ушедшему из жизни ветерану Великой отечественной войны, глубокому знатоку религии и морали профессору С.Ф. Анисимову. Он многому научил меня, особенно же – требованиям научной скрупулезности.

Занятия с аспирантами философского факультета проводили видные ученые, в том числе академики Т.И. Ойзерман и А.Г. Спиркин, профессора В.Ф. Асмус, А.М. Ковалев, А.С. Богомолов и В.В. Соколов. Здесь и началось мое приобщение к авторитетнейшей университетской научной школе, к богатейшим книжным фондам «Ленинки» и университетской библиотеки. Многое для вхождения в религиоведение дали консультации по психологии религии известнейшего профессора, доктора медицинских наук К.К. Платонова, семинары по религии и этике в Институте философии, а также организуемые Обществом «Знание» частые встречи в Политехническом музее с ведущими в стране естествоиспытателями и гуманитариями.

С глубокой признательностью вспоминаю частые дискуссии о религии и морали с «однокашниками» по аспирантуре, ставшими ведущими учеными, – А.А. Гусейновым, З.А. Тажуризиной, В.В. Коневым, Ю.М. Павловым, В.С. Глаголевым и Н.С. Капустиным. Вхождению в религиоведение способствовали многочисленные (в ходе работы над диссертацией) наблюдения богослужений, встречи и беседы с духовенством и верующими, а также участие во впервые организованной кафедрой летом 1964 г. полевой экспедиции в Казахстане по изучению современного сектантства. В том же году завершил учебу в аспирантуре досрочной защитой кандидатской диссертации. Спустя пятнадцать лет здесь же защитил докторскую

диссертацию по теме «Индивидуальная религиозность и ее преодоление в развитом социалистическом обществе».

– Как дальше складывалась Ваша научно-педагогическая деятельность?

М.П.: По окончанию аспирантуры вернулся на преподавательскую работу в Пермь. Здесь по настоящее время веду в вузах занятия по философии, религиоведению, социологии и этике. В 81–83 гг. по командировке Министерства высшего образования работал профессором Карлова университета в Праге.

Устойчивые научные контакты с Alma mater, с кафедрой философии религии и религиоведения, ныне руководимой профессором И.Н. Яблоковым, позволяют мне «держать руку на пульсе» современных изысканий в религиоведении. Более глубокое погружение в эти изыскания (особенно в проблемы социологии религии) чрезвычайно стимулировало установившееся еще с 1964 г. и поныне продолжающееся тесное творческое сотрудничество с Институтом научного атеизма, а с 1994 г. – с кафедрой государственно-конфессиональных отношений Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Около десятилетия тому назад наладилось наше активное сотрудничество и с Институтом философии РАН.

– Кого Вы считаете своими главными учителями в религиоведении?

М.П.: Назову три имени – Лев Николаевич Митрохин, Дмитрий Модестович Угринович и Виктор Иванович Гараджа.

Очень ценю религиоведческие исследования сотрудников моей Alma mater, РАГСа и других религиоведческих кафедр и центров в столице, а также в Санкт-Петербурге, Владимире, Благовещенске, Екатеринбурге и Ростове.

– В каком направлении ориентированы Ваши научные исследования сегодня?

М.П.: Основные научные интересы у меня обращены к проблемам философии, социологии и психологии религии; к вопросам методологии научного исследования; к проблемам этики и культурологии.

Полагаю, что некоторые полезные результаты мною получены в разработке метатеории религиоведения, обогащении его парадигм и обновлении понятийного аппарата; по прояснению специфики религиозной морали и обоснованию статуса, парадигмы и категориального аппарата этики ненасилия как нового направления в науке; по теоретико-методологическому обоснованию диалога и сотрудничества между отечественными светскими учеными и теологами по актуальным проблемам преодоления духовного кризиса в постсоветском обществе; по теоретико-методологическому обоснованию насущных проблем становления отечественной светской школы.

Эти наработки оцениваю лишь в качестве начального приближения к реальному постижению природы и социальной роли религии и морали. Меня не оставляет часто встречающееся у немолодых ученых ощущение того, что длительное занятие своими проблемами сделало их еще более неясными…

– Насколько нам известно, с 1963 г. по настоящее время под Вашим руководством в Пермском крае проведены десятки социологических исследований. Какова их тематика?

М.П.: Это анализ динамики и прогноз религиозных процессов в регионе; изучение эволюции и социальной адаптации «новых религий»; насущные проблемы государственно-конфессиональных отношений; процессы становления светской школы; вопросы внедрения установок толерантности в Пермском регионе.

– Теперь разрешите обратиться к некоторым вопросам личного плана. Нам известно, что Вы являетесь большим любителем прозы и поэзии. Кто из писателей и поэтов Вами особенно любим?

М.П.: Антон Павлович Чехов, Исаак Бабель, Блез Паскаль. Из поэтов – Александр Сергеевич Пушкин, и (в переводах С. Маршака) Роберт Бёрнс, сонеты Уильяма Шекспира.

– А любимые композиторы?

М.П.: Иоганн Себастьян Бах, Вольфганг Амадей Моцарт, Петр Ильич Чайковский.

– Каковы, на Ваш взгляд, основные ценности человека?

М.П.: Отечество. Семья. Друзья.

– Что может считаться высшими добродетелями?

М.П.: Доброжелательность. Эмпатия. Любовь.

– А что можно отнести к недостойному – к порокам?

М.П.: Злобность. Зависть. Спесь.

– Спасибо Вам, уважаемый Матвей Григорьевич, за эти интересные ответы. Позвольте пожелать Вам долголетия, крепкого здоровья, благополучия в семье и новых успехов в науке и преподавательской работе.

М.П.: Спасибо и Вам, дорогой Ремир Александрович. Я чрезвычайно благодарен моим дорогим коллегам за столь теплое отношение ко мне и особенно тронут тем, что на мой юбилей так неожиданно и щедро отозвался один из наиболее ценимых в религиоведении журналов.

© Писманик М.Г., интервью, 2010
© Лопаткин Р.А., 2010